

УДК/UDC 82-821

DOI 10.22455/2541-7894-2018-4-292-296

Андрей АСТВАЦАТУРОВ

ПЕРВАЯ БИОГРАФИЯ ГЕНРИ МИЛЛЕРА В РОССИИ

(*Ливергант А.Я.* Генри Миллер. М.:
Молодая гвардия, 2016. 295 [9] с.: илл.
(сер. «Жизнь замечательных людей»).

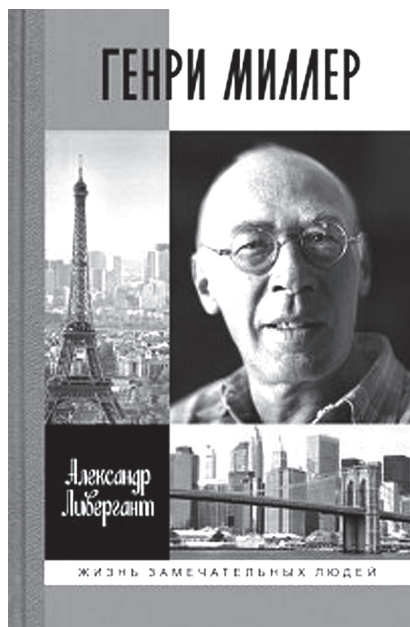
Andrey ASTVATSATUROV

THE FIRST RUSSIAN BIOGRAPHY OF HENRY MILLER

(Livergant, A.Ya. *Henry Miller*. Series “Life of Outstanding People”.
Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2016. 295 p. [9], ill. (In Russ.)

© 2018 Андрей Алексеевич Аствацатуров (кандидат филол. наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) astvatsa@yandex.ru

© 2018 Andrey A. Astvatsaturov (PhD, Associate Professor; Saint-Petersburg State University, Russia) astvatsa@yandex.ru

Появление подобной книги в России, где число поклонников Миллера огромно и намного больше, чем на его родине в США, нельзя не приветствовать. Генри Миллер (1891 – 1980) – культовый автор, чья жизнь и все ее векторы (бытовой, географический, интеллектуальный, интимный), безусловно, интересны. И то, что за русскую биографию автора скандальных «Тропиков» взялся Александр Ливергант, мастер художественного перевода, тонко чувствующий язык, умеющий непосредственно вживаться в материю чужого ремесла, уже само по себе делает книгу интересной. Тем более, задачи, всякий раз встаю-

щие перед биографом Генри Миллера, весьма непросты.

Прежде всего, сам Генри Миллер неоднократно воспроизводил свою биографию как в романах (оба «Тропика» насквозь автобиографичны), так и в эссеистике – причем делал он это с присущей ему лихостью и с таким художественным блеском, что академическому биографу здесь, вроде как, и делать-то нечего. Однако существенно и то, что автор «Тропиков» не брезговал мистификациями, он мифологизировал, корректировал свой образ, выстраивал его, выставлял собственную личность в нужном ему свете, кстати, как правило, далеко не в выигрышном. Стоит заметить, что его мемуары, романы, эссе не совсем о прошлом. Они – опыт проживания письма и коррелируют тех ощущений, которые возникают в настоящем. Миллер всякий раз описывает ситуацию здесь-и-сейчас, прибегая к знакам прошлого. Его тексты не слишком документальны, не слишком достоверны. Они всегда подчинены сиюминутной логике воображения. И чем больше его персонаж напоминает анархиста, даоса, ницшеанца, ранковского невротика, тем меньше у нас оснований ему доверять.

Как известно, Миллер чинил всяческие препятствия академическим филологам, пытавшимся писать его биографию. Он ничего не имел против «субъективных» мемуаров. Эти мемуары могли ему нравиться, как, например, книга А. Перле «Мой друг Генри Миллер»,

или не нравиться, как например книга Брассая «Генри Миллер. Портрет в полный рост», но он никак не сопротивлялся их появлению. А вот филологические исследования его иногда настораживали, и он порой считал своим долгом им противодействовать. Ричард Эллманн, крупнейший филолог, защищавший Миллера, решил написать его биографию, но столкнувшись с упорным сопротивлением потенциального объекта исследования, отказался от своего замысла. И полная, наиболее обстоятельная биография Миллера была написана Фергюсоном (Ferguson R. *Henry Miller. A Life*. New York – London, 1991), филологом куда менее именитым. Интересно, что Ливергант ни разу не упоминает это, безусловно, главное на сегодняшний день биографическое исследование и не включает его в библиографический список. Впрочем, данное обстоятельство даже делает его книгу интересней и нужней. Знаатокам Миллера – а таких у нас наберется немало – было бы неинтересно читать изложение Фергюсона.

Миллер сопротивлялся своим биографам по самым разным причинам, иногда – из боязни быть «разоблаченным». Скрупулезному исследователю ничего не стоило разрушить миф, который он с таким тщанием создавал. Собственно, в книгах Фергюсона и Ливерганта мы не раз становимся свидетелями подобных «разоблачений».

Другая проблема еще более серьезна и едва ли разрешима. Она связана с научным консенсусом относительно понимания миллеровских текстов и представления о его интеллектуальной эволюции. Если в случае многих современников Миллера (Элиот, Джойс, Паунд) такой консенсус есть, равно как и «каноническая», принимаемая большинством трактовка ключевых произведений, то с Миллером все обстоит куда сложнее. Он – не самая популярная фигура среди академических филологов, и работ о нем не так много. Большею частью это мемуарные тексты и компаративные штудии. Первые концептуальные работы о Миллере, написанные У. Гордоном (Gordon W. *The Mind and Art of Henry Miller*, 1967) и И. Хассаном (Hassan I. *Literature of Silence: Henry Miller and Samuel Beckett*, 1967), впечатляли своей смелостью. Это были первые попытки приблизиться к его текстам, но они же на долгие годы фактически стали последними. Серьезных обстоятельных разборов миллеровских текстов за ними не последовало. В 1970-е и 1980-е гг. о Миллере почти ничего не писали. А когда интерес к Миллеру вернулся, мода на литературоведческий историко-литературный, герменевтический или феноменологический анализ уже прошла, и новые исследования осуществлялись в русле деконструкции, – что достаточно странно, учитывая, что подобные исследования должны основываться

ваться на классических интерпретациях. В результате мы получили парадокс. Он был бы безобиден для биографа, но, строго говоря, писать биографию автора сложно, если предварительно не расставить историко-литературные акценты, если не вполне понятны этапы творчества и интеллектуальной эволюции, если неочевидно, что является существенным, в корне меняющим жизнь твоего персонажа, а что – нет.

Александр Ливергант старается уйти от этой проблемы, ничего не забыть, все упомянуть, хотя бы мимоходом, и ему это, в целом, удается. Более того, он неоднократно жертвует последовательным изложением жизненных обстоятельств ради того, чтобы проследить какие-то векторы, линии биографии Миллера, рассмотреть их отдельно.

Неоспоримым достоинством книги Ливерганта является то, что ему удалось создать абсолютно достоверный, живой образ своего персонажа, полного противоречий: вдохновенного жизнестроителя, интеллектуала, одаренного сверх меры графомана, человека увлекающего и легко остывающего, инфантильного, наивно-беззаботного и зрелого, предельно серьезного. Главное свойство Миллера – анархическую спонтанность – Ливергант уловил сверхточно. Эта спонтанность была базовым инстинктом Миллера и пронизывала все векторы и уровни его жизни.

Стиль изложения, напроць лишенный академической сухости, выбран Ливергантом удачно; короткие рубленые фразы, инверсии, разговорные интонации создают ощущение динамики, невероятной скорости, спонтанности и очень удачно коррелируют с создаваемым образом. Вместе с тем эта стилистическая подвижность нисколько не вредит содержанию и оставляет Ливерганту возможность оставаться вдумчивым, внимательным биографом. Выстраивая биографию Миллера, он не пользуется готовыми схемами, а предпочитает делать собственные выводы, опираясь на прямые свидетельства: обширную переписку Миллера, мемуары, интервью. Обращаясь к художественным текстам, он, как положено всякому биографу, указывает на происхождение тех или иных эпизодов текста и, что существенно, обнаруживает «зазор», несовпадение между искусством и реальностью. Собственно говоря, эти несовпадения и определяют мировидение Миллера.

Любимое развлечение всякого рецензента – «ловить блох», выискивать неточности и недочеты, выяснять, чего в книге нет, забывая про то, что в ней есть. Но мне бы хотелось сосредоточиться на нескольких штрихах, которые бы дополнили ливергантский образ Миллера.

Миллер, как справедливо отмечает Ливергант, был спонтанен, не всегда понимал, где и с кем он проведет ближайший месяц или

даже день, не говоря уже о ночи. Он постоянно твердил, что вся эта случайность, непоследовательность заложена в нем бруклинской улицей, на которой он жил и которой воспитывался. Все так. Но нельзя забывать, что Миллер, и Ливергант это обстоятельство также отмечает, был, в сущности, человеком книжным, насквозь литературным, нередко глядевшим на реальность сквозь призму прочитанных книг, словно записной эстет. Он любил примерять на себя маски впечатливших его персонажей, принимать решения, исходя из этих масок. Глан, Юхан Нагель, Ганс Касторп, «вечный муж» Достоевского были для него такими масками. Опыт жизни в маске дисциплинировал, помогал самовозрастанию. Миллер именно проживал маску, доводил ее возможности до предела и отрицания. В конце жизни он разочаровывал поклонников, фотографируясь с обнаженными красотками. Зачем? Он работал с собственным застывшим имиджем греховодника, пародировал сам себя.

Пожалуй, наиболее серьезной претензией, которую можно было бы предъявить книге Ливерганта, – излишняя увлеченность бытовой и интимной биографией Миллера и пренебрежение биографией интеллектуальной. Конечно, в книге упоминаются имена мыслителей, которых любил Миллер (Кропоткин, Бакунин, Ницше, Бергсон, Ранк), и их работы, но как-то вскользь, между делом. В книге приводятся многочисленные высказывания Миллера по разным поводам, но они предстают неоткомментированными, нередко вырванными из контекста, иногда попросту абсурдными. А между тем, Миллер был довольно последовательным и обладал вполне связным мировидением, в котором на протяжении всей его долгой жизни менялись лишь акценты. Это мировидение стоило бы очертить, тем более, что оно неотторжимо от его образа жизни и внешней биографии.

Впрочем, этот недостаток – скорее следствие проблемы, которую я уже обозначил: отсутствие внятного литературоведческого консенсуса относительно Миллера. Первая русская биография Миллера – книга чрезвычайно полезная и вносит свой вклад в отечественную американистику.